

Пятнадцать лет за роялем в фойе Магнитогорского театра драмы играет пианист с глазами Пьеро и в деловом костюме

КОГДА ЭТИХ КЛАВИШ КОСНЕТСЯ РУКА

ТАПЕРОМ ОН служит столько, сколько живет «Театр без границ». В идеале замысел был — хорошо бы джазовое трио, да где взять средства? А Рукавишников Владимир Досаев — директор Магнитогорской драмы — еще по годам руководства филармонией знал как импровизатора и настройщика.

Предложил ему основать музыкальную гостиную, как прежде в кинотеатрах. Словно в воду глядел: сегодня на столичных VIP-тусовках и презентациях без джазового пианиста не обходятся. И гастролеры со всей страны в дни магнитогорских фестивалей не надвигаются: «У нас такого нет».

Теперь это обязательный ритуал в ожидании спектакля и в антракте: тапер открывает крышку рояля, на глазок оценивая публику. Никакого худсовета, программа — по интуиции, и даже старая травма руки импровизации не помеха. Начать можно с «Каравана» Дюка Эллингтона или «Колыбельной Клары» Гершвина, зажечь безразличных «Сан-луи блюзом» Уильяма Хенди, серьезных заманить классическим джазовым мотивом, фразами «Серенады солнечной долины», стариков — утесовскими музыкальными цитатами.

Без звука рояля театральная пауза от вешалки до зрительного зала была бы неловкой. Но от мимолетности слушания музыка не становится проходной: ей внимают, закрыв глаза. И благодарят — чаще старшие. Молодежи труднее дается такая форма проявления чувств, но и у них получается.

Без импровизации он себя уже не мыслит: помимо плановой работы, в прошлом году осуществил с дуэтом «Лорелей» джазовый проект, в этом — представил с Верой Семиной программу старинных русских романсов, подготовил с ней еще одну — музыка из оперетт. Импровизация в таких программах вытекает из содержания: салонная музыка вся на вздохах, возгласах, смене чувств. Даже следуя авторским ремаркам, не играть же все куплеты в одном настроении, как шарманка.

Своим студентам, будь в них искра божья или просто настойчивость, помочь в развитии импровизаторских навыков Рукавишников не откажется: педагог не вправе замыкаться в своем таланте. А выпускники и после дипломирования видят в нем наставника: музыкальной литературы недостаточно, а навыков записать или аранжировать мелодию на слух не хватает. Рукавишников поддержит и в этом: подберет и репертуар, и аккомпанемент.

— Почему ты владеешь импровизацией? — удивляются бывшие однокашники. — Нас же этому не обучали — не было такого предмета.

А поживите с нами! Послужите после второго курса, как Рукавишников, в погранвойсках Среднеазиатского военного округа с припиской в ансамбле песни и пляски, где вместо пианиста в штатном расписании тубист. Рукавишников с еще не оконченным классическим образованием солиста-пианиста тогда за неделю освоил бас-тубу. Поколесите, как он, по погранзаставам в дни торжеств и траура. Продолжайте образование после демобилизации в двадцать один зрелым человеком, который не вправе жить на родительские средства, — без импровизаций не обойдетесь.

Александр Александрович привык со студенческих лет совмещать несколько рабочих мест. Он и теперь — концертмейстер в филармонии, преподаватель в музыкальном колледже, пианист в драме. Довелось, конечно, и в ресторанах в студенческие годы лабать, но такое только по молодости приемлемо. И учеба, и музыкальные традиции Магнитки, и концертмейстерская работа тянули к верхней планке.

Работа свела перспективного студента с плеядой ярких личностей. Так везет лишь единицам — служить концертмейстером в академическом хоре левого бережного Дворца культуры металлургов под управлением Василия

ФОТО ЕВГЕНИИ РУКАВИШНИКОВА

В визитке из всех его специальностей обозначено только «настройщик»: эта профессия — фундамент остальных

Субботина, камерном хоре под управлением Сергея Смирнова, ансамбле «Металлург» под управлением Владимира Достовалова. Рукавишников аккомпанировал солистам «Металлурга» Александру Мисаченко и Борису Завертянскому, солистам хоровой капеллы Василию Пыхонину, Лилии Ильинской, Наталье Заварзиной, а они — уже школа. Да и слава фортепианного отделения Магнитогорского музыкального училища, где Рукавишников доучивался после демобилизации, гремела на весь Урал.

Он пробовал себя в разных качествах. Даже басовую партию в академическом хоре брал. Роль вокалиста ощущал как муку: неудобно лицом к лицу с залом, но не мог отказать, когда просили выручить, — басов не хватает. Бывало, исполнит вокальную партию и — к роялю.

И для музыкальной импровизации простора хватало. Аккомпанировал гимнасткам в спортивной школе, на соревнованиях с ними ездил — выступления тогда сопровождали живым звуком.

Мелодии подбирали исходя из характеров девочек, а они на помосте могли от волнения сбить темп выступления или вовсе пропустить часть элементов. Подстроится концертмейстер, вовремя свернет музыкальную фразу, подыграет спортсменке в ритм — спасет положение. Рукавишников владел этим навыком в полной мере: его приглашали составлять музыкальные композиции к вольным упражнениям сборной России.

А выступления в цирке чего стоили! Надо срочно заменить заболевшего пианиста в дни гастролей московского цирка. Единственная репетиция с дирижером, вместо нот — буквенно-цифровые обозначения: «Ритм румбы и 16 тактов импровизации». И — вперед, по два выступления в день.

Зато какие образцы профессионального чутья преподавали старшие коллеги! Владимир Тимофеевич Достовалов обладал блестящим умением подобрать репертуар, поставить на

яркую личность, собрать зрелищную программу. Один пример. На отборочных конкурсах самодеятельности искали достойных выступить на XVII съезде профсоюзов во Дворце съездов — на сцене, где играл Рихтер. Претенденты — сплошь представители областных центров, а победил любимец Достовалова Евгений Еськин — мартевец и... виолончелист. Рукавишников ему аккомпанировал. Из столицы в Магнитку шлют депешу: товарищам Еськину и Рукавишникову пошить фрак. Ох и стеснялся мартевец этого костюма!

Жаль, Александру Рукавишникову не довелось аккомпанировать товарищу на прославленной сцене: требовались любители, и партию на рояле играл профессор ленинградского университета — тоже технар. Но как эффектно срифмовалось: в зале иностранцы, у виолончели — Еськин, и он же на экране разливают сталь под конферанс: «Выступает разлищик марте-новского цеха Магнитогорского металлургического...»

Да, было у кого Александру Александровичу учиться видению программы и умению чувствовать партнера. Но в работе тапера начать пришлось с восстановления инструмента. Навыков настройщика тут недостаточно: рама рояля должна выдерживать натяжение мощностью в двадцать семь тонн, а концертный «Блютнер» в драме пережил падение при переезде, перелом рамы, не раз был залит водой. Реставратора по всей стране не найти, но рояль для театра — больше, чем просто музыкальный инструмент. Без него нечего и думать пригласить симфонический оркестр или джазового пианиста. Надо было продолжать поиски.

Специалиста по крупному ремонту отыскали случайно в другом городе, и в реставрационные работы вместе с ним немедленно включился... металлургический комбинат. Пока Владимир Досаев выбивал деньги для ремонта, Александр Рукавишников курировал технические работы. Комбинатские специалисты сняли анализ чугунины, разработали технологию холодной электросварки. И хотя ремонт обошелся в сто пятьдесят пять тысяч рублей в тогдашних ценах, это все же не шестьдесят-восемьдесят тысяч у.е. — во столько встал бы городу новый рояль. Заодно черный «Красный Октябрь» перекрасили в белый — он-то и служил таперу верой и правдой несколько лет. Играть на старичке было трудно, и теперь он на приколе — в «кармане» театрального закулисья. При первой возможности на смену ему заступил элитный «Эстония» — с таким не стыдно мировую знаменитость пригласить.

Украинские реставраторы стали дорогими гостями Магнитки, а об их работе не склонный к восторгам Александр Александрович рассказывает в мажорных тонах: работают днем и ночью, педантично, им подвластна полная реставрация от регулировки механики до замены струн. Не удивительно, что магнитогорские музыкальные школы выстраиваются к ним в очередь на реставрацию, а башкирские уже дышат им в затылок: без отлаженного инструмента не привить ученикам представление о правильном звукоизвлечении. Александр Александрович как преподаватель и настройщик проблеме знает не понаслышке: сам обошел все городские «музыкалки», прослушал инструменты.

За заслуги в области образования Рукавишников награжден нагрудным знаком «Почетный работник среднего профессионального образования РФ», в его послужном списке — звание лауреата международных и всероссийских конкурсов. А в визитке под фамилией из всех его специальностей обозначено «настройщик»: эта профессия — фундамент остальных. Он настраивает рояль в драматическом театре и филармонии перед концертом знаменитостей. Столичные гости непредсказуемы: одни довольны инструментом, другие капризничают, не беря во внимание даже показания тюнера. А сколько еще нюансов: для симфонического оркестра «ля» — в 443 герца, для солиста — в 440. Если Магнитку навестит Венский оркестр, как планируется в рамках «Другой реальности», — зарубежная музыкальная традиция потребует 439 герца. Разница лишь в сотые доли, слышать их — редкий талант настройщика. Условие его священнодействия — полная тишина один на один с роялем в течение нескольких часов, а цена — огромное нервное напряжение. Но есть и награда: радость самому услышать отточное исполнение и ощущать возвышенный настрой публики. С этого и начинается мастерство импровизации — с точной настройки своей души на чужую.

Алла КАНЬШИНА.